Марковская Юлия Леонидовна

Л. Н. ТОЛСТОЙ И С. А. РАЧИНСКИЙ: ДВЕ ГРАНИ ОДНОЙ ЭПОХИ

В статье предпринята попытка исследования личных отношений двух выдающихся российских педагогов, занимавшихся вопросами народного просвещения, образования и воспитания крестьян во второй половине XIX столетия: С. А. Рачинского и Л. Н. Толстого. Основу исследования составляет изучение материалов переписки С. А. Рачинского с Л. Н. Толстым, К. П. Победоносцевым и пр. Анализируются такие аспекты как просветительская, общественная (в первую очередь трезвенническая), художественная и художественно-критическая деятельность, взгляды на религию и институт Церкви.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 110-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 37
Исторические науки и археология

В статье предпринята попытка исследования личных отношений двух выдающихся российских педагогов, занимавшихся вопросами народного просвещения, образования и воспитания крестьян во второй половине XIX столетия: С. А. Рачинского и Л. Н. Толстого. Основу исследования составляет изучение материалов переписки С. А. Рачинского с Л. Н. Толстым, К. П. Победоносцевым и пр. Анализируются такие аспекты как просветительская, общественная (в первую очередь трезвенническая), художественная и художественно-критическая деятельность, взгляды на религию и институт Церкви.

Ключевые слова и фразы: Татевская школа; школа в Ясной Поляне; народное просвещение; церковно-приходские школы; история педагогики; Л. Н. Толстой; С. А. Рачинский; В. В. Розанов.

Марковская Юлия Леонидовна
Сургутский государственный педагогический университет
Julia.Markowskaja89@yandex.ru

Л. Н. ТОЛСТОЙ И С. А. РАЧИНСКИЙ: ДВЕ ГРАНИ ОДНОЙ ЭПОХИ©

Исследование взаимоотношений представителей консервативного лагеря со своими соратниками или оппонентами не является новым словом в российской исторической науке [2; 3; 4; 12; 14]. Отчасти используется биографический подход в историческом исследовании, а такая постановка проблемы позволяет ученому выявить сходства и различия во взглядах мыслителей, ставших предметом научного интереса, определить их конкретные воззрения по наиболее значимым вопросам развития российского государства. Именно обращение к биографическому методу (т.н. personal history) также предоставляет возможность для детального изучения тех нюансов мировоззрения изучаемых общественных деятелей, которые в масштабах исследования более широкой проблематики обычно остаются незамеченными, однако имеют большую теоретическую исследовательскую ценность в дальнейшем.

В силу этого проблема рассмотрения взаимоотношений двух ярких представителей интеллектуальной и духовной жизни эпохи второй половины XIX в. – начала XX в., Л. Н. Толстого и С. А. Рачинского, в русле биографического подхода обладает большим значением, в первую очередь – для исследования эволюции консервативных общественно-политических взглядов и развития российской педагогической мысли в обозначенный период. Важную часть исследовательских материалов составил сохранившийся эпистолярный фонд С. А. Рачинского.

Смоленский дворянин, имеющий польские корни С. А. Рачинский – одна из наиболее интересных и противоречивых фигур российской педагогики и общественно-политической мысли середины и конца XIX в. Он последовательно занимал консервативные позиции в ракурсе общественно-политической мысли на протяжении всей своей профессиональной, научной и педагогической деятельности. В то же время педагог нередко публиковался в либеральных изданиях и перевел на русский язык труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов…». Одним из наиболее верных друзей С. А. Рачинского являлся обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев (дружба с ним начинается как минимум с того времени, когда они являлись профессорами Московского университета). Но Сергей Александрович также испытывал огромное уважение к писательскому таланту, педагогическому труду и взглядам Льва Толстого, который впоследствии был отлучен от Церкви решением Синода. С. А. Рачинский занимал последовательно прохристианские позиции не только в аспекте личной веры, но и в аспекте своей педагогической деятельности, считая, что изучение богослужения и церковной литературы должно являться основой народного образования. Однако одновременно с этим он пишет и издает широко известные в конце XIX века сборники математических упражнений и задач [5]. Все указанные противоречия теряют кажущийся парадоксальный характер, если мы признаем за мыслителем и педагогом не инстинктивный, а в некотором смысле рациональный консерватизм. В Российской империи первым известным апологетом такого подхода к общественно-политическому развитию стал граф Сергей Семенович Уваров, который предполагал не *отказ от всего европейского*, а *развитие национальных традиций*, дополнением к которым могут выступать европейские заимствования.

Фигура Л. Н. Толстого в историографии столь же противоречива. С одной стороны, масштаб его писательского таланта признавался уже современниками, в том числе и его идейными противниками. С другой стороны, открытый конфликт с Русской Православной Церковью привел к краху многих его важных начинаний. Особенно болезненно это переживалось Толстым в отношении критики разработанной им педагогической концепции, которая основывалась на практическом опыте яснополянской народной школы.

Объем переписки Л. Н. Толстого с С. А. Рачинским невелик и значительно уступает общению последнего, например, с обер-прокурором К. П. Победоносцевым или В. В. Розановым. Точная дата знакомства писателя и ученого неизвестна, а первое письмо датируется 1862 годом. Однако вероятно, что личные контакты между ними начинаются ранее в Москве: или в доме Д. И. Сушковой, сестры Ф. И. Тютчева, или в доме

© Марковская Ю. Л., 2015

самого Рачинского на Малой Дмитровке, который был своеобразным литературным салоном для молодых научно-педагогических кадров Московского университета [6].

Пути в народную педагогику пролегали по-разному. С. А. Рачинский готовился стать профессором Московского университета и стажировался в Германии, где познакомился с педагогической концепцией и практикой К. Стоя, о чем опубликует заметку в «Русском вестнике» М. Каткова [8]. Впоследствии, когда С. А. Рачинский покинул высшую школу и выбрал стезю сельского учителя, опыт Стоя станет если не примером для подражания, то совершенно точно – одним из ориентиров в его деятельности. Л. Н. Толстой начинает народнообразовательную деятельность раньше, в 1859 году. Хотя он также был знаком с педагогическим опытом К. Стоя, но *классическая* немецкая школьная практика, основанная на строгой дисциплине, регламенте, заучивании большого количества материала показалась ему неподходящей для российской действительности. Оба будущих педагога впоследствии высоко оценили опыт *прогрессивных* немецких школ [15, с. 433-435], но посчитали и его неприемлемым для русской школы, склоняясь к тому, что России необходима школа, основанная на национальных традициях, национальной культуре и национальной словесности [6].

В 1862 году два педагога обменялись посланиями относительно школы К. Стоя, в которых С. А. Рачинский выразил убежденность в необходимости отправить немецкому педагогу материалы об опыте яснополянской школы Л. Толстого. Однако этот обмен короткими письмами остался на долгое время единственным актом коммуникации между ними. С. А. Рачинский советовал Толстому отправить Стою журнал «Ясная Поляна», одновременно выражал досаду и слабую надежду на понимание последним идей русской национальной школы Толстого: «Само собою разумеется, что К. Стой найдет Ваши мнения дикими, Ваши методы фантастическими. Но он человек умный и внимательно приглядывающийся к детям. Я убежден, что Ваши наблюдения не пройдут для него даром и что в глубине души он согласится с Вами во многом, даже если не захочет самому себе признаться в этом» [17, с. 485].

После первого обмена письмами случился большой перерыв, и их общение возобновилось лишь тогда, когда сменился круг интересов и характер деятельности самого С. А. Рачинского. В 1868 г. вместе с целой плеядой талантливых молодых профессоров Московского университета С. А. Рачинский ушел в добровольную отставку, что было связано с нечистоплотно прошедшими выборами ректора. Сергей Александрович покинул Москву и вернулся в свое имение в Татево. После почти 7 лет уездного затворничества – это один из наименее изученных периодов его жизни – в 1875 году Рачинский возобновил преподавательскую деятельность, теперь уже в качестве учителя сельской школы[1]. Судя по письму к В. В. Розанову, этим семи годам между отставкой и началом Татевской педагогической деятельности С. А. Рачинский не придавал никакого значения – по крайней мере в написанной для публициста своей чрезвычайно короткой автобиографии, уместившейся на нескольких строках, он ничего не сообщает об этом времени [13, с. 425].

Следует заметить, что С. А. Рачинский начинает учительскую деятельность, не имея формального подтверждения квалификации: в примечаниях к ранее не опубликованным письмам С. А. Рачинского к Л. Н. Толстому указывается, что для осуществления частной педагогической деятельности требовалось дать пробный урок в одном из официальных учебных заведений, о чем выдавался специальный аттестат. Однако аттестат С. А. Рачинского датируется лишь 24 мая 1878 года – к тому времени он уже несколько лет вел активную педагогическую деятельность в Татевской школе [1, с. 252].

1870-е гг. в масштабах переписки двух педагогов представляют один из самых насыщенных периодов. С. А. Рачинский и Л. Н. Толстой обсуждали не только вопросы педагогики, но и касались самого широкого спектра вопросов культуры. Например, в 1875 г. С. А. Рачинский напишет Л. Толстому относительно «Анны Карениной» (обмен мнениями относительно романа, его композиции и структуры, а также литературных планов Толстого на будущее составит отдельный краткий сюжет их переписки), и с этого времени продолжается их регулярное общение.

В марте 1877 года Рачинский написал Толстому (и это, вероятно, второе сообщение периода их регулярной переписки) довольно иронично, что писателю «суждено получать от меня через годика два-три ни с того ни с сего длинные послания». В этот раз основным сюжетом их обмена письмами становится опыт яснополянской и Татевской школ. С. А. Рачинский пишет, что «Методы обучения у меня не выработалось никакой. По утрам я учу старший класс всему, по вечерам занимаюсь всеми классами, то попеременно, то вместе. Модные предметы у нас арифметика и музыка, а также каллиграфия… Я застал четырнадцать мальчиков, живущих в училище – это у нас явление общее – деревни мелки и разбросаны. Построив новое училище, присоединил к ним еще четырёх.… С родителей берётся только мука на хлеб, остальное, как и вся школа – на мой счёт» [6].

Толстой ответит на это, что по прочтению послания С. А. Рачинского «ему ужасно захотелось побывать у вас и в вашей школе. Я очень тяжел на подъем и очень занят бываю, но мне этого очень хочется, и я вас очень люблю. Пожалуйста, напишите мне еще и про себя» [15, с. 318].

В каждом известном исследователям письме Л. Н. Толстой выражал интерес к педагогической деятельности С. А. Рачинского, что совершенно очевидно связано со сходством их предметного поля – крестьянские сельские школы и народное просвещение. Это происходит в 1861 году (как упоминалось нами выше, он проявлял интерес к школе сестры С. А. Рачинского, в деятельности которой, по-видимому, будущий

[1] На этот счет существуют определенные разночтения. Так, биограф С. А. Рачинского Н. М. Горбов сообщает, что педагогическую деятельность в Татевской школе С. А. Рачинский начинает уже в 1872 году, а сам Рачинский в письме к Розанову [13, с. 425] упомянет, что начал преподавать с 1875 года.

Татевский педагог принял участие), в 1875 году [Там же], 1878 году [Там же], 1881 году. Более того, Толстой даже принимал некоторое участие в устройстве судьбы учеников Татевской школы, что подтверждается письмом от 29 мая 1878 года.

Другой предмет их переписки составляла взаимная оценка их литературных и публицистических трудов. При этом важно отметить, что критика сочинений друг друга носила взаимный характер: хотя Татевский педагог более известен по публикации в «Русском вестнике» в 1860-х гг. путевых и художественно-критических заметок [5; 10; 11], он также оставил свой след в истории русской литературы и публицистики несколькими собственными сочинениями художественного характера и переводами, а также богословскими работами и социально-философскими эссе в форме «писем в редакцию» [7; 9, с. 897]. Не только С. А. Рачинский высказывает критические замечания о сочинениях Толстого, но и последний в послании от 15 ноября 1881 года сформулировал вполне определенное недовольство статьями С. А. Рачинского в «Руси». Критика была вызвана, судя по всему, тем, что в указанных статьях биолог и педагог выразил уверенность в безусловной необходимости официальных церковных институтов [17, с. 84]. Однако Л. Н. Толстой указал и на художественные и стилистические недостатки статей, сам характер изложения в них он отметил как весьма бессистемный. Мысли С. А. Рачинского казались ему незаконченными, недовведенными до финала. Сам же Толстой занимал антиклерикальные, хотя и вполне прохристианские позиции (отрицая первостепенную значимость официальных церковных институтов, он оставался верующим человеком). Конечно, необходимо отметить, что и сам Рачинский невысоко оценивал эти статьи, также считая их изложение весьма сумбурным или даже бессвязным [Там же, с. 85]. Этот случай, хотя и является единственным известным, демонстрирует, что предметом их переписки был не только односторонний интерес бывшего профессора к крупнейшему русскому литератору, но вполне взаимная симпатия двух литераторов, педагогов и мыслителей.

На протяжении всей их переписки отсутствуют ситуации, которые можно было бы интерпретировать как сколько-нибудь конфликтные по вопросам природы народного просвещения и характера педагогической деятельности в сельской школе. Строго говоря, мы не встречаем даже значительной дискуссионности в обсуждении этих вопросов. Единственный известный пункт расхождения, который сохранила их переписка – это рассуждения о возможности или невозможности привлечения на работу в сельские школы студентов высших учебных заведений обеих российских столиц. Этот «спор» относится к одному из ранних актов их переписки – указания на него мы встречаем в письме от 7 августа 1862 года. Мнение Толстого основывалось на педагогическом опыте Ясной Поляны, в школе которой он преподавал сам и привлеченные его идеями молодые студенты, в народной педагогике – едва ли не случайные люди. Мнение С. А. Рачинского в тот момент, скорее, теоретическое, поскольку в это время он еще не преподавал в Татево, а значит, не имел практического опыта народного школьного образования.

Означает ли отсутствие таких дискуссий, что педагоги имели идентичные представления об общем характере и частных, методических вопросах организации народного образования? Вряд ли. Скорее, это молчаливый плюрализм и признание возможности и эффективности различных методик.

Отношения этих двух мыслителей прервутся в 1898 г., вскоре после начала открытого осуждения Л. Толстым Православной Церкви и выступлений в пользу т.н. «личной» и внецерковной религии экуменического толка. Рачинский напишет ему: «…Ваших отречённых писаний не читал. Судить о них по случайно дошедшим до меня отрывкам, по настроению плохо понимающих Вас адептов – было бы *unfair*. Но отчего происходит это непонимание, отчего это вялое, холодное, отрицательное настроение людей, именующих себя Вашими учениками? Не от того ли, что о всяких тайнах жизни и смерти, бытия Божественного и человеческого “мысль изреченная есть ложь”? Не потому ли обречённые видят всё это лишь “как в зеркале в гадании”, мы ищем этого зеркала в наших узких философемах, когда есть иное зеркало, более широкое и чистое? Это зеркало – земная Церковь в художественной совокупности её истории, верований и чаяний, догматов и обрядов… Истинно любить Бога ты можешь только в живом Христе и в бесчисленной иерархии живых душ… и недостаточно нам внимать учению Христа. Нам нужно плакать у Его ног, облекать эти ноги драгоценным миром. Ибо мы ограниченны и слабы, и нуждаемся друг в друге. Ибо благодеяния материальные и умственные, которые мы в силах оказать меньшей братии ничтожны и… сравнительно с тем, что мы от неё получаем. А получаем мы от неё дар общения в любви с братьями, живыми и мёртвыми и не только в любви взаимной, но и в любви к Богу» [18].

Оценить реальную глубину произошедшего разрыва для Л. Н. Толстого сегодня не представляется возможным. Однако мы вполне можем судить буквально о масштабе личной трагедии, какой стало прекращение контактов с Толстым для Рачинского. Другой корреспондент татевского педагога – православный философ и публицист В. Розанов – напишет, что «одним из длительных, мучительных, почти *личных* несчастий С. А. Рачинского был известный поворот в направлении деятельности, в ходе религиозных мыслей Л. Н. Толстого». Нет возможности передать всей глубокой нежности, какую он чувствовал к характеру творчества автора «Войны и мира» и «Детства и отрочества»… Он надеялся, что этот великий полет завершится еще большею высотою – озарением всей панорамы Руси из церковных глубин, непременно церковных и ортодоксальных, без всяких мятежных порывов. Когда же на место этого появились именно мятежные порывы, титаническая разрушительная работа, беспощадная, часто грубая, Рачинский как бы пал, пронзенный унынием [13, с. 426]. С другой стороны, С. А. Рачинский в письмах к Розанову сперва укажет, что статья последнего о Толстом «менее удовлетворительна» [Там же, с. 446] (что в устах обычно деликатного сверх всякой меры педагога

выглядит практически бранью) и будет говорить, что критиковать Толстого рано, время позволит оценить не только его писательский талант, но и философский, а затем в 1898 году напишет, что новая «статья ваша о Толстом – не из лучших ваших статей. Вы были связаны, прежними вашими жестокими отзывами о великом писателе, и поэтому впали в крайность противоположную».

С другой стороны, в примечаниях, сделанных для публикации своей переписки с Рачинским, Розанов отметит, что они также разошлись во взглядах на религиозной почве. Возникнет известного рода парадокс: и В. Розанов и Л. Толстой, всякий по-своему будут убеждены в непоколебимой и даже излишней ортодоксии С. А. Рачинского, в том, что он более придерживается буквы восточно-христианского вероучения, нежели его духа. Однако при этом отношение С. А. Рачинского – убежденного ортодокса-«пустынника», по мнению обоих своих визави! – к Западной Церкви будет гораздо более демократичным. Так, комментируя смущение В. Розанова перед выраженным публицистом сочувствием к Франциску Ассизскому, С. А. Рачинский замечает, что «многим явлениям в жизни западных церквей не можем и не должны мы отказывать в сочувствии, именно потому, что в православной истине мы имеем мерило, не допускающее нам до слепого увлечения. С этим мерилом в руках можем отдавать справедливость… бесчисленным делам милосердия и церковного учительства, творящимся на Западе. Мы не были бы православными, если бы не умели распознавать ту долю добра и истины, которая примешана к западной лжи» [Там же, с. 448].

К большому сожалению исследователей наследия С. А. Рачинского и Л. Н. Толстого в области общественной мысли и педагогических трудов переписка имеет небольшой объем. Она начинается нерегулярно с 1862 года, становится регулярной с 1875 года, однако между этими 5-7 письмами «регулярного периода» (смотря с какого времени начинать отсчет их постоянного сообщения), проходит иногда по нескольку лет. Последнее письмо С. А. Рачинского Л. Н. Толстому датируется, видимо, 1890 годом.

Кроме педагогических идей и обсуждения некоторых методических вопросов важными темами переписки были взаимный интерес к художественному и публицистическому творчеству, в ходе дискуссий о котором на позициях дружественных критиков оказываются оба респондента.

Сегодня может казаться удивительным, что при занятии столь разных позиций по вопросам религии, семьи и брака, теоретических основ народной педагогики и методики обучения два практика народного образования в течение столь долгого времени не только поддерживали контакты, но и питали друг к другу искреннее уважение и симпатию. И хотя переписка двух мыслителей демонстрирует плюрализм общественно-политических педагогических взглядов при твердом сохранении личных убеждений, интеллигентность и деликатность обоих респондентов, нам удалось обнаружить лишь одну действительно глубокую точку соприкосновения, по которой взгляды педагогов совпадали практически на 100%.

В 1898 году С. А. Рачинский отправил Л. Н. Толстому «в память старой дружбы» одно из центральных своих сочинений – так называемые «Письма духовному юношеству о трезвости». В этом письме Рачинский написал, что взгляды на трезвенническое движение – это «пункт (увы! пожалуй, единственный), на ком мы с Вами не разошлись!». Вероятно, вопрос о трезвенническом движении нуждается в дополнительном исследовании не только в контексте наследия Л. Н. Толстого или С. А. Рачинского, но и в контексте развития русской педагогической мысли XIX – начала XX века вообще.

Список литературы

1. **Из недавних писем Л. Толстого Иславиным, Рачинскому и др.** Сообщ. Н. Б[ельчиков] // Красный архив. 1924. № 7. С. 249-253.
2. **Милевский О. А.** Л. Тихомиров и К. Леонтьев к истории взаимоотношений // Вестник ТГПУ. 1997. Вып. 1. С. 70-74.
3. **Милевский О. А., Репников А. В.** Я верю в Россию… Тихомиров и Столыпин: надежды и разочарования // Родина. 2012. № 4. С. 24-28.
4. **Попов Э. А.** Л. А. Тихомиров и Б. Н. Чичерин: спор оппонентов. Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. 384 с.
5. **Рачинский С. А.** 1001 задача для умственного счета. СПб., 1899. 90 с.
6. **Рачинский С. А. и Толстой Л. Н. – учитель и лжеучитель** [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/print75086.htm (дата обращения: 01.04.2015).
7. **Рачинский С. А.** Из Германии // Русский вестник. 1857. Т. 9. С. 163-175.
8. **Рачинский С. А.** Институт Стоя в Йене // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 3-15.
9. **Рачинский С. А.** Стихотворения Аполлона Майкова // Русский вестник. 1858. Т. 2.
10. **Рачинский С. А.** Художественная деятельность в Веймаре // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 3-18.
11. **Рачинский С. А.** Цветы и насекомые // Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 347-396.
12. **Репников А. В.** Константин Леонтьев и Лев Тихомиров // Эхо: сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2001. С. 7-16.
13. **Розанов В. В.** Литературные изгнанники. П. А. Флоренский. С. А. Рачинский // Розанов В. В. Собрание сочинений / под ред. А. Н. Николюкина. М. – СПб.: Республика; Росток, 2010. Кн. 2. 960 с.
14. **Терехова С. А.** С. А. Павловский и Л. А. Тихомиров: к истории взаимоотношений // Вестник СурГПУ. 2012. № 4. С. 89-97.
15. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. М., 1889. Т. 62. Письма 1873-1879. 586 с.
16. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. М., 2006. Т. 60. Письма 1856-1862. 565 с.
17. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений. М., 2006. Т. 63. Письма 1873-1879. 542 с.
18. **Ушакова И. В.** Сергей Рачинский и Лев Толстой: два друга, два учителя, два антагониста [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/75086.htm (дата обращения: 11.04.2015).

L. N. TOLSTOY AND S. A. RACHINSKY: TWO FACES OF ONE EPOCH

Markovskaya Yuliya Leonidovna
Surgut State Pedagogical University
Julia.Markowskaja89@yandex.ru

The article attempts to study the personal relations of two outstanding Russian pedagogues, who worked on the problems of the public enlightenment, education and upbringing of peasants in the second half of the XIX century: S. A. Rachinsky and L. N. Tolstoy. The study of the correspondence materials of S. A. Rachinsky with L. N. Tolstoy, K. P. Pobedonostsev and others forms the basis of the research. Such aspects as educational, public (first of all temperance), artistic and artistic-critical activity, views on religion and Church institute are analyzed.

Key words and phrases: Tatevo school; school in Yasnaya Polyana; public enlightenment; parochial schools; history of pedagogics; L. N. Tolstoy; S. A. Rachinsky; V. V. Rozanov.

УДК 130.2
Философские науки

В статье исследуется проблема непротиворечивого сосуществования в современной массовой культуре антагонистических дискурсов, потребительского и религиозного (на примере православного), обусловленного переартикуляцией последнего в субдискурс, встроенный в общество потребления и не нарушающий статус-кво. Выявляются особенности субдискурса через сравнение с православным дискурсом и анализ его структуры. Анализируются такие компоненты как участники и их цели, хронотоп, стратегии, ценности, прецедентные тексты.

Ключевые слова и фразы: православный дискурс; субдискурс; переартикуляция; структура дискурса; потребление; массовая культура; человек массы; симулякр.

Минькова Наталья Валерьевна, к. филос. н.
Международный независимый эколого-политологический университет (Академия МНЭПУ)
natalia_minkova@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ©

Дискурс потребления, в пространстве которого разворачивается современная российская культура, захватывает и те сферы духовной жизни, для которых потребление являлось чуждой категорией. К таким формам относится религия, репрезентация которой в пространстве массовой культуры и адаптация к новым социокультурным условиям обусловили трансформацию религиозного дискурса. Факторами, способствующими данному процессу, явились утверждение рыночного типа экономики, распространение западной модели массовой культуры и ее опора на установки постмодернизма (децентрация, множественность истин, релятивизм, деконструкция и др.), формирование нового типа массового человека – потребителя с особым «одномерным» типом мышления, заинтересованного в удовлетворении, по классификации Эпикура, «не необходимых» потребностей. Декларируемая свобода от какой-либо идеологии вызвала в массах уверенность в чувстве свободы личного выбора, возможности проявления индивидуальности. Однако запущенный механизм контрсуггестии как освобождения из-под власти насильственной массовизации с необходимостью породил обратный процесс «контрконтрсуггестии» [4], обеспечивающий объединение сознания масс посредством потребления. Религия была включена в культурное пространство как один из многочисленных выборов.

Однако Православие (будем рассматривать на этом примере), ориентированное на апостольские идеи, не вписывается в современную мировоззренческую парадигму. Трудно не согласиться с К. Хорни [6], что основной конфликт культуры порожден, в частности, противоречием между установками христианства на братскую любовь и человечность, лежащими в основе европейской культуры, и индивидуальным соперничеством с установкой на успех, обнаруживающим себя во взаимодействиях на всех уровнях (межличностном, профессиональном, межсубкультурном и др.). Одновременное следование заповедям и логике общества потребления становится невозможным, возникает проблема выбора «или-или». Совесть и вина, неотъемлемые элементы религии, «в мире овеществления» становятся балластом [3, с. 116]. Происходит борьба антагонистических дискурсов за достижение превосходства – дискурса религиозного и дискурса потребления. Невозможность в современных условиях отказаться от какого-либо из них из-за выполняемых ими функций приводит к необходимости переартикуляции дискурсивных практик. Переартикуляция позволяет разрешить кризис идентичности, возникающий по причине встроенности в антагонистические дискурсы

© Минькова Н. В., 2015